

оригинальная статья

УДК 94(47)

Феномен Н. Д. Хвощинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского

Сергей В. Гаврилов^{a, @, ID}^a Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, 454135, Россия, г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63

@ sv.gavrilov@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2449-5058>

Поступила в редакцию 14.10.2019. Принята к печати 04.12.2019.

Аннотация: Цель – ретроспективный анализ исторической идентификации образа известной российской писательницы Н. Д. Хвощинской, предпринятой историком-народником В. И. Семевским. Для реализации намеченной цели были привлечены архивные и опубликованные источники. Источниковая база исследования включает в себя материалы личного происхождения (письма, мемуары), периодику, биографический очерк и научные труды В. И. Семевского. Методологическую основу составляют метод критического анализа источников по теме статьи; метод конкретности, определивший отбор источников для изучения темы; смысловой анализ источников путем сопоставления анализируемых данных со сведениями из других источников. Субъективные описания В. И. Семевского позволяют интерпретировать его собственные взгляды на такие актуальные для своего времени вопросы социального развития, как определение места и роли женщины в обществе и воспитание молодого поколения. Историк не делал скрупулезного анализа художественных достоинств произведений Н. Д. Хвощинской, но представил их исчерпывающий библиографический перечень. Сделан акцент на характеристике оценок В. И. Семевского в отношении различных этапов деятельности Н. Д. Хвощинской как писателя и литературного критика. Показано неоднозначное с точки зрения морали введение автором биографии в научный оборот ряда источников личного происхождения. Статья заканчивается выводом о том, что В. И. Семевский как первый биограф Н. Д. Хвощинской-Зайончковской мог ставить перед собой три задачи: 1) предотвращение забвения писательницы; 2) своеобразная идеологическая приватизация, представление ее близкой народничеству; 3) характеристика Н. Д. Хвощинской как образца женщины-труженицы и носителя идеальных этических принципов, близких историку-народнику.

Ключевые слова: женский вопрос, эмансипация, биографика, В. Крестовский-псевдоним, интеллигенция, народничество, субъективизм

Для цитирования: Гаврилов С. В. Феномен Н. Д. Хвощинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 898–906. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-898-906>

Введение

В отечественной историографии российский историк-народник Василий Иванович Семевский (1848–1916) традиционно ассоциируется с исследованием истории крестьянства, крестьянского вопроса и общественно-политической мысли XVIII – первой половины XIX в., а также рабочего класса и золотопромышленности Сибири после опубликования в конце 1880-х – 1890-е гг. серии статей по истории быта рабочих и обширного двухтомного исследования «Рабочие на сибирских золотых промыслах» при активной финансовой поддержке известного иркутского мецената И. М. Сибирякова. Вне поля зрения ученых незаслуженно остаются произведения биографического жанра, вышедшие из-под пера исследователя в 1870-х – начале 1890-х гг. [1–9]. Одной из таких работ является первая биография Надежды Дмитриевны Хвощинской-Зайончковской (1821–1889), женщины-литератора, получившей наибольшую

известность как прозаик под псевдонимом В. Крестовский. Историография изучения жизни и литературного наследия Н. Д. Хвощинской относительно скромна. В первые месяцы после смерти писательницы пресса отзывалась о ней в основном некрологическими заметками. Редкими исключениями в дореволюционный период являлись воспоминания А. А. Веницыной [10], В. Р. Зотова [11], П. Д. Хвощинской [12] и М. К. Цебриковой [13]. В советской историографической традиции имя Н. Д. Хвощинской было забыто на долгие десятилетия, если не считать кратких биографических очерков М. С. Горюхиной [14] и А. П. Могилянского [15]. На современном этапе судьба и творчество Н. Д. Хвощинской становятся предметом изысканий рязанских краеведов, среди которых необходимо выделить работы А. В. Чечневой [16], и филолога Е. Н. Строгановой [17–19].

Н. К. Пиксанов в статье-некрологе, посвященной памяти покойного В. И. Семевского, отмечал, что «историк

русского крестьянства и русской общественности... не претендовал на звание историка русской литературы. Эволюция литературы как художественного творчества никогда не была предметом его научных исследований и ближайших интересов. Но... в силу близости истории литературы к истории политической и социальной Василий Иванович неизбежно увлекался в литературные изучения» [20, с. LXXXVI].

Целью настоящей статьи является ретроспективный анализ исторической идентификации образа известной российской писательницы середины – второй половины XIX в. Н. Д. Хвоцинской, предпринятой российским историком-народником В. И. Семевским. Объектом исследования служит первый биографический очерк о Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской, публикация В. И. Семевским которого, по меткому выражению Е. Н. Строгановой, «спровоцировала ситуацию, которая сама Хвоцинская называла "даться покойником"» [19, с. 187]. Изучение содержания данного биографического произведения и синхронных документов личного происхождения позволяет уточнить ценностные ориентации историка и охарактеризовать восприятие образа и творчества писательницы представителями либерально-народнической интеллигенции.

Согласно одному из крупнейших отечественных специалистов в области гендерной истории Н. А. Пушкаревой, «продвигать дальнейшее изучение женской истории значит сегодня не просто добавлять женские имена в имеющуюся картину прошлого, не просто обращаться к описанию женской повседневности (столь всегда отличной от мужской). Речь о другом – <...>, об умении наблюдать многообразие социально-половых иерархий, выявлять случаи редкого, хрупкого равновесия между двумя мирами (мужским и женским), созданными ради того, чтобы понимать и поглощать друг друга» [21, с. 10].

В. И. Семевский – первый биограф Н. Д. Хвоцинской: бесцеремонность историка или попытка спасения от забвения?

Разработка В. И. Семевским биографического жанра началась в 1874 г. со статьи (с нее ведется отсчет научной деятельности В. И. Семевского), посвященной Екатерине Романовне Дашковой, активной участнице переворота 1762 г. и первой женщине-президенту Академии наук [1]. Статья начинающего исследователя играла роль развернутого предисловия к публикуемому в этом же номере «Русской старины» мемуарам самой Дашковой и в контексте своеобразной редакционной политики журнала отражала некоторые факты, эпатазирующие потенциального читателя.

Вторым и наиболее успешным опытом работы в области биографики стал социокультурный портрет известного педагога-словесника Василия Ивановича Водовозова [3–5]. В нем автору удалось через призму характеристики

взглядов педагога и своего учителя, в доме которого он воспитывался, провозгласить собственные мировоззренческие ценности [22].

В 1890 г., примерно через полтора года после безвременной кончины Н. Д. Хвоцинской, «появилась обильно оснащенная документальными материалами биографическая статья В. И. Семевского – первый очерк жизненного и творческого пути писательницы» [19, с. 187]. Согласно Х. Хогенбюм, «Хвоцинская не хотела иметь литературной биографии, но нуждалась в ней по требованию своей эпохи. К тому же, несмотря на то, что она сопротивлялась всякой автобиографичности, ее жизнь и творчество стали парадигмой забытой русской писательницы» [23]. «При ее жизни, журналист и ее литературный защитник Зотов, другие сторонники (например, Семевский) постоянно уговаривали Хвоцинскую спасти себя от забвения и написать мемуары. Хотя признание несколько беспокоило ее, она отказывалась все же писать мемуары, и только в конце жизни, когда уже стало поздно, она передумала. Ее возражения были моральные и формальные: в случае собственных мемуаров, как она замечала, художественные приемы искажают материал» [23].

С точки зрения Е. Н. Строгановой, историк-народник поступил бестактно в отношении к имевшимся у него материалам, «не соблюдая этических условий срока давности» [19, с. 187]. Исследователь считает, что «Семевский пренебрег и тем, что была жива еще младшая сестра писательницы Прасковья Дмитриевна, которая восприняла некоторые материалы как личную обиду» [19, с. 187].

Отметим, однако, что П. Д. Хвоцинская прожила долгую жизнь и умерла в 1916 г., т. е. одновременно с автором первой биографии Н. Д. Хвоцинской. Значит, по логике литературоведа, В. И. Семевский вообще не должен был получить шанс опубликовать свой очерк. Кроме того, из переписки историка и младшей сестры покойной писательницы, находящейся в личном фонде В. И. Семевского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), следует, что Прасковья Дмитриевна не имела ничего против написания биографии. Она выразила благодарность историку за сохранение доброй памяти о старшей сестре. «Вы даете возможность познакомиться общество с ней не как с писательницей, а как с человеком, значением которого она больше всего дорожила»¹. Одновременно автор письма заявила адресату, что их «семейная переписка была настолько интимна»², что предоставить ее по этой причине не предоставлялось возможным, пообещав однако выбрать из нее что-то представляющее интерес для публики. Первоначально отношения Прасковьи Дмитриевны и Василия Ивановича носили доверительный характер, о чем наглядно свидетельствует обращение к нему как к посреднику о возвращении какой-то «неоконченной вещи, которая

¹ Письмо Хвоцинской П. Д. к Семевскому В. И. от 9 марта 1890 г. // ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.

² Там же.

находится в руках у Москалевой»³. В следующем письме она отправила В. И. Семевскому ненапечатанные стихотворения сестры, «писанные в очень раннюю пору», а также адрес и материал для биографического очерка⁴. Из этого же послания становится известно, что письма мужу Надежда Хвоцинская уничтожила, и сестра может отправить историку только письма Щербины.

Что же представляет собой первая творческая биография Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской, вокруг которой разгорелось столько споров? Источниковую базу произведения составило эпистолярное наследие писательницы. В частности, историк упоминал о более чем 150 письмах выдающейся беллетристки к разным лицам и письмах литераторов и издателей к ней. По утверждению В. И. Семевского, часть материалов была ему предоставлена младшей сестрой писательницы П. Д. Хвоцинской (Зимаровой). В распоряжении исследователя оказались и письма, адресованные Н. Д. Хвоцинской народническому критику и публицисту Н. К. Михайловскому и редактору А. А. Краевскому. Кроме того, при работе над биографическим портретом Н. Д. Хвоцинской историк апробировал воспоминания ее близкой подруги М. М. Андреевой. И наконец, первый биограф Н. Д. Хвоцинской использовал многочисленные устные рассказы современников, лично знакомых с писательницей, и свои личные впечатления. Вводя в научный оборот новый эпистолярный материал, В. И. Семевский ставил перед собой в качестве основной задачи сохранение памяти о Н. Д. Хвоцинской как писательнице-демократке.

Рязанское общество и генезис литературного творчества Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской

Биографический очерк, выполненный В. И. Семевским, построен по классическому хронологическому принципу. Повествуя о детстве и юности Надежды Дмитриевны, автор сделал акцент не только на ее замечательной памяти, способности к усвоению языков, доброжелательной семейной обстановке, стимулирующей творческую активность ребенка, что вполне естественно, но и на социальной составляющей. Будущая писательница родилась и росла в небогатой многодетной дворянской семье в Рязанской губернии будучи старшим ребенком. В детстве ей пришлось столкнуться с проявлением социальной несправедливости: отец писательницы в течение нескольких лет находился под следствием по обвинению в растрате, которую не совершал. Имение было продано, чтобы покрыть сумму иска, составлявшую 15000 руб. Семейство переехало в Рязань и жило очень бедно. В. И. Семевский отмечает, что «нужда в семье была так велика, что приходилось экономно обращаться с бумагой» [6, с. 51]. Идея борьбы за выживание в очерке историка красной нитью проходит через всю биографию Н. Д. Хвоцинской. Обладая навыками к письму и черчению, маленькая Надя стала фактически

личным делопроизводителем отца. Ее образование было в основном домашним. Французский язык она усвоила с помощью матери, а итальянскому научилась самостоятельно. Увлечение литературной деятельностью на уровне сочинения исторических романов и стихов также было родом из детства.

1847 год можно считать стартом литературной деятельности Надежды Дмитриевны. В «Литературной газете» за № 38 были опубликованы ее первые шесть стихотворений. По наблюдениям В. И. Семевского, «отец Надежды Дмитриевны очень сочувствовал ее литературной деятельности; мать, напротив, была очень огорчена вступлением дочери на литературное поприще» [6, с. 54–55]. С данной трактовкой была категорически не согласна ее младшая сестра Прасковья Дмитриевна. Она полагала, что мать писательницы рисуется В. И. Семевским «совершенно равнодушной и даже противодействующей литературным занятиям моей сестры. Этого никогда не было, да и не могло быть». Абзацем ниже она фактически противоречит сама себе, утверждая, что «она не поощряла ее первых писательских попыток... вовсе не потому, что не сочувствовала им, а потому что в то время не только в провинции... но и в столице женщины писательницы были наперечет, таились под псевдонимами, и труд их считался неприличным, не женским» [12, с. II].

Историк объективно констатировал неприязненное отношение к Н. Д. Хвоцинской в уездном обществе в 1850-е гг. Рязанцы воспринимали молодую писательницу как особу, выпадающую за признаваемые большинством каноны должного бытия женщины. Причинами этого являлись курение, «литературные наклонности, нерасположение к выездам, внимательное отношение к крестьянам... и наконец, некоторые взгляды, шедшие вразрез с мнением большинства, как, например, несочувствие к крепостному праву» [6, с. 55].

Большое внимание уделено биографом описанию наиболее симпатичных ему черт Н. Д. Хвоцинской. Подобные характеристики, как правило, даны от третьего лица, например, В. Р. Зотова, бывшего редактора «Литературной газеты», посетившего писательницу в Рязани. В. И. Семевский писал о том, что он нашел в ней «ум, знание света, большую начитанность, глубокую симпатию ко всем, кто страдает и терпит, искреннее отвращение от всякой неправды, низости, насилия, гуманное отношение ко всем слабым, ошибкам, заблуждениям, проступкам. В ней самой, как и в ее романах не было ни желания рисоваться, ни аффектации, ни утрировки» [6, с. 59].

Конструктивное влияние на Н. Д. Хвоцинскую оказало знакомство с издателем А. А. Краевским и его ближайшим окружением. Многолетнее плодотворное сотрудничество писательницы с «Отечественными записками» началось в 1850 г. с публикации в этом рупоре демократической

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Письмо Хвоцинской П. Д. к Семевскому В. И. Без даты // ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 166. Л. 3–4.

печати ее первого прозаического произведения – повести «Анна Михайловна». Тогда же, по мнению В. И. Семевского, появился случайно выбранный писательский псевдоним В. Крестовский.

В биографическом очерке историка нет скрупулезного анализа содержательно-артистических достоинств произведений Н. Д. Хвоцинской, зато представлен их исчерпывающий библиографический перечень. Неравнодушие к затронутой им проблеме увеличения гонораров писательницы объяснялось В. И. Семевским стремлением «показать, какую серьезную материальную поддержку стала оказывать Хвоцинская своей семье, которой была так самоотверженно предана». В понимании автора, данные сведения «представляют собой любопытный материал для истории литературного труда» [6, с. 59–60]. Не отрицая данной версии историка, отметим, что изложение денежной компоненты работы женщины-литератора напоминает анализ материалов земской статистики.

Характеризуя литературную деятельность рязанской писательницы 1850-х гг., В. И. Семевский в сносках привел подробный список благожелательных рецензий в периодической печати. Основу читательской аудитории составляли женщины. Тематика работ была посвящена «изображению исключительно жизни провинциального общества со всеми его мрачными сторонами» [6, с. 61]. Выход же за пределы обозначенного круга вопросов был закрыт в силу цензурных проблем. Так, в отношении второй повести Н. Д. Хвоцинской «Сельский учитель», опубликованной в «Отечественных записках» в 1850 г., В. И. Семевский привел ремарку В. Р. Зотова о том, что «над нею порядочно потрудился цензор... Фрейганг... человек неуступчивый, подозрительный, враждебно относившийся ко всякому выражению, сколько-нибудь выходящего из общепринятого рутинного литературного языка» [6, с. 61]. Цензуре подвергались и другие произведения рязанской писательницы. Можно согласиться с тезисом В. И. Семевского в том, что «нападая на мертвенность журналистики в известные эпохи, на узость кругозора некоторых писателей, приходится считаться и с теми условиями, в которых находилась тогда литература» [6, с. 62]. Несмотря на препоны цензуры Н. Д. Хвоцинская как беллетрист стала популярной у отечественной читающей публики, что подтверждает выход в 1859 г. первого шеститомного собрания ее сочинений.

«Принципы дороже денег»: Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская как беллетрист, литературный критик и человек принципов

В. И. Семевский пытался вызвать позитивную рефлексию на Н. Д. Хвоцинскую не только как беллетриста, но и как человека, готового терпеть бедность и не желающего поступиться принципами ради денег. В качестве симптоматичного примера можно привести фрагмент письма В. Крестовского-псевдонима редактору

«Отечественных записок» С. С. Дудышкину от 29 октября 1863 г. Н. Д. Хвоцинская испытывала значительные финансовые затруднения, несколько месяцев не получая гонорара за свои вещи и за опубликованные повести своей любимой сестры Софьи Дмитриевны, но не пожелала перенаправить произведения в «Русский вестник», предлагающий более выгодные условия. «Отдавая туда свою работу, я поступаю против совести. Этого со мной никогда не случалось. "Русский вестник" прошлых годов был не то, что теперь, и я не могу вообразить себе своих строк на его страницах... Помогите мне не идти против совести» [6, с. 64–65]. С позиции историка «письмо это должно быть весьма поучительно для тех нынешних молодых писателей, которые... по беспринципности готовы участвовать в органах совершенно не соответствующих их взглядам» [6, с. 65].

Повесть Н. Д. Хвоцинской «Пансионерка», опубликованная в третьем номере «Отечественных записок» за 1861 г., о судьбе молодой девушки, вынужденной выбирать между самопожертвованием семье и самостоятельностью, получила положительную оценку В. И. Семевского не столько из-за художественной ценности, сколько из-за метких наблюдений: «автор так рано сумел подметить те новые течения среди молодежи, которые потом были не раз предметом изучения наших беллетристов» [6, с. 65].

С 1861 г. Н. Д. Хвоцинская стала известна не только как маститый беллетрист, но и как литературный критик, взявший себе на вооружение псевдоним В. Поречников. По В. И. Семевскому, непримиримая борьба с концепцией «искусства для искусства» является главным фактором в оценке профессионального кредо Хвоцинской-Поречникова: «требуя от писателей беллетристов определенного направления, автор считает образцом литературной критики Белинского» [6, с. 70]. В. Г. Белинский – это «вечный и единственный пример... учитель целой школы» [24, с. 50].

Отзывы В. И. Семевского важны прежде всего в уяснении нравственных императивов писательницы. Субъективизм историка позволяет сквозь призму проведенного анализа интерпретировать его собственные взгляды на такие актуальные для своего времени вопросы социального развития, как определение места и роли женщины в обществе и воспитание подрастающего поколения. «Критик протестует против идеализирования буржуазно-слащавых семейных отношений, этих оазисов семейного счастья». Все они держатся на «эгоизме семейном, отделяющем семьи от общества, на сладенькой примирительной религии, на неведении, сберегаемом тщательно ради его удобства» [6, с. 73].

В. И. Семевский обширно цитировал близкие ему рассуждения Хвоцинской-Поречникова о молодежи начала 1860-х гг. «В молодом поколении уже успели резко определиться... две важные черты: стремление к труду общественному и стремление сблизиться с народом... Молодежь принимает к сердцу нужды народа, благородно желает ему образования, готово посвятить ему все свои

силы, – это черты существенные. Понятно, что их должна взять во внимание беллетристика»⁵. В данной выдержке сформулирован один из постулатов народнической идеологии о служении интеллигенции народу.

В целом литературная критика Н. Д. Хвоцинской воспринималась историком прохладно: «мы не можем признать за ней особого критического таланта, но приведенные нами отзывы интересны для биографа, так они характеризуют ее взгляды на некоторые явления нашей жизни и на более выдающиеся произведения того времени» [6, с. 75].

С увеличением степени писательской известности в лучшую сторону изменилось отношение к Н. Д. Хвоцинской передовой части интеллигенции, непосредственно связанной с процессом проводимых реформ. Патриархальный уклад семьи Хвоцинских не претерпел существенных изменений, и Надежда Дмитриевна продолжала вести уединенный образ жизни. Единственным развлечением сестер Надежды и Софьи были эпизодические поездки в Петербург, где их постоянными гостями и собеседниками стали С. С. Дудышкин, В. Р. Зотов, А. А. Краевский, Н. Ф. Щербина. В представлении В. И. Семевского, первые трое олицетворяли демократический спектр столичных литературных кругов, Н. Ф. Щербина же, издававшийся в присутствии всех над «нигилистами», вызывал у историка неприязнь. В. И. Семевского не удивляло, что Н. Д. Хвоцинская допускала подобное в первой половине 1860-х гг., потому что «она сама в то время во многом не симпатизировала тогдашней молодежи. Но что она продолжала сочувственно отзываться о нем в конце семидесятых ... это объясняется лишь крайней субъективностью Хвоцинской в отзывах о людях вообще и о писателях в особенности» [6, с. 79]. Историк искренне не мог понять, почему писатель демократического лагеря ввел в круг своего ближнего общения таких консервативно настроенных деятелей, как поэт Н. Ф. Щербина.

Анализируя вехи биографии писательницы, В. И. Семевский не мог обойти проблему неприятия радикально-демократической периодикой творчества Н. Д. Хвоцинской, обозначившуюся в первой половине 1860-х гг. на почве того, что «некоторые стороны во взглядах Хвоцинской... раздражали тогдашних передовых людей» [6, с. 88]. Автор справедливо отмечал, что отторжение было взаимным. В представлении революционно-демократической публицистики ее взгляды были недостаточно демократическими. Н. Д. Хвоцинская же во многом не принимала новые ценности исходя из присущих ей эстетических установок. Поэтому ее нельзя однозначно идентифицировать в среде прогрессивной интеллигенции в системе *свой – чужой*.

В работе В. И. Семевского сочинительница выступает как человек принципов, не готовый изменять им в угоду меняющейся политической конъюнктуре или моде. Она пряма и не смолчит тогда, когда чувствует несправедливость. Эти убеждения выработались в далекой юности и были

пронесены Н. Д. Хвоцинской через всю жизнь. Таковым был и сам автор биографического очерка В. И. Семевский, воспитанный на идеях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других ярких представителей демократической публицистики и литературы. «Высокая нравственная непоколебимость В. И. Семевского определяла еще одну его черту... У него не было нерешительности в нравственных оценках. У него отсутствовала боязнь громкого высказывания мнения. Его волновал каждый ложный шаг товарищей, и он со свойственной ему прямоотой давал свою оценку поступку, который мог вызвать недоразумение, злорадование врагов, смущение близких» [25, с. СХІХ–СХХ].

Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская в контексте ценностных ориентаций историка-народника

Примечательно освещение В. И. Семевским отношения критики к творчеству писательницы в 1860-х – середине 1870-х гг.: «ее произведения охотно печатались и имели в публике значительный успех, но она довольно долго не могла похвалиться особенно благосклонным отношением к ней критики» [7, с. 90]. На общем фоне нейтральных малозаметных рецензий настоящим потрясением для Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской стала публикация резкой статьи Н. Щелгунова «Женское бездушие» в девятом номере журнала «Дело» за 1870 г. «Крестовского можно назвать романистом праздных читателей, имеющих слишком много времени для того, чтобы примеривать на себя страсти и страдания пассивно страдающих героев и героинь, которые и сами мучаются душевно только потому, что у них нет никакого другого дела» [26, с. 8]. «Гладкая благоприличность Крестовского, смазывающая вас прозрачным лаком неподвижности есть философия застоя. Эта скромная благоприличность тиха, как богомолка, и ядовита, как ханжа ... это философия графа Толстого, но только более скромная и в женском платье, более безобидная и более деликатная, как женщина, но, в сущности, стремящаяся к той же голубиной непосредственной мудрости и проповедующая всем слабым смирение и покорность» [26, с. 12]. Согласимся с биографом в том, что данный отзыв является жестоким и незаслуженным для автора, «в честном направлении трудившимся всю жизнь» [7, с. 91]. Статья Н. Щелгунова была в значительной степени провокационна. Ее целью было не оскорбить или унижить женщину-писателя, а подтолкнуть автора к поиску деятельных «героев нашего времени» с активной жизненной позицией. В. И. Семевский не отрицал право Н. Щелгунова на собственное мнение, но решительно возражал против принципа «бей своих, чтобы чужие боялись».

Аналогично и его отношение к критическому разбору в уничижительных тонах творчества Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской в статье известного народнического публициста А. М. Скабичевского «Волны русского

⁵ Романы и повести // Отечественные записки. 1863. № 10. Литературная летопись. С. 191.

прогресса» [27] в тех же «Отечественных записках», где увидели свет и еще будут опубликованы многие произведения Надежды Дмитриевны. Не принимая тональность подобных высказываний в отношении Н. Д. Хвоцинской, В. И. Семевский все же полагал, что критические статьи «принесли ей некоторую долю пользы, так как ... она стала высказывать свои общественные симпатии с большей определенностью» [7, с. 95]. Результат коррекции ценностей не заставил себя долго ждать, и цикл очерков, напечатанный в журнале «Вестник Европы» в 1874–1875 гг. под общим наименованием «Альбом», встретил восторженную оценку у читающей публики и критики в целом.

В 1870-х – первой половине 1880-х гг. проза Н. Д. Хвоцинской импонировала первому биографу, чего нельзя сказать о ее литературной критике. Не являясь специалистом в области литературоведения, историк подошел к оценке этого аспекта деятельности Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской сквозь призму субъективизма и соответствия рецензируемого автора прогрессивному общественному течению. Суждения Н. Д. Хвоцинской, совпадающие с мировосприятием самого В. И. Семевского, сопровождались хвалебными отзывами. Другие ее критические оценки истолковывались им в свете особой женской впечатлительности.

Обширный нарративный материал, который использовал В. И. Семевский для характеристики литературной критики Н. Д. Хвоцинской, представляет интерес тем, что позволяет верифицировать не только разделяемую ею систему общественных ценностей, но и некоторые смысловые ориентации. В частности, при интерпретации Н. Д. Хвоцинской отдельных произведений А. Н. Толстого можно сделать вывод о ее индифферентности к религии. А одной из причин негативного взгляда беллетристики на И. С. Тургенева как писателя и человека было его непоследовательное отношение к крепостному праву. «Если он так сильно не сочувствовал крепостному праву, как сам утверждает, то почему не освободил своих крестьян»? [7, с. 101].

В современной научной традиции болезненно квалифицируется оперирование В. И. Семевским источниками личного происхождения, иллюстрирующими супружескую жизнь писательницы. Версии знакомства Н. Д. Хвоцинской с будущим мужем различаются в изложении биографа и младшей сестры. Историк написал, что в 1865 г. «под влиянием охватившего ее чувства одиночества, она, вскоре после смерти сестры, согласилась выйти замуж за доктора Зайончковского, лечившего Софью Дмитриевну» [9, с. 455]. Иван Иванович Зайончковский, входя в одну из групп «Земли и воли», был арестован и в течение года содержался в Петропавловской крепости, где заболел чахоткой. После освобождения он поселился в Рязани и часто бывал у Хвоцинских, лечил Софью Дмитриевну. Прасковья Дмитриевна же настаивала на том, что за несколько дней до смерти Софии Дмитриевны «его совершенно случайно привел к нам как медика наш хороший друг в надежде, что он найдет средство облегчить ее страдания»

[12, с. XIII]. Если кого и лечил Иван Иванович, так это саму Надежду Дмитриевну.

По утверждению В. И. Семевского, семейная жизнь не принесла счастья Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской. Супруг долго болел, уехал на лечение за границу, где умер в 1872 г. «Надежда Дмитриевна всегда вспоминала о муже как о честном, хорошем человеке, хотя этот брак несколько не скрасил ее печальной жизни» [9, с. 456]. Описание замужества Н. Д. Хвоцинской с обнаружением ее писем к Ивану Ивановичу являлось, по мнению сестры, недопустимым. «Автор статьи о Надежде Дмитриевне, напечатанной в "Русской мысли" очень свободно коснулся этой печальной стороны ее жизни. Воспользовавшись интимными ее письмами к мужу, неизвестно каким образом очутившимися в руках постороннего лица, он напечатал их, позабыв еще раз, что есть еще живой человек, близкий Н. Д., для которого нелегко оглашение ее сердечных мук» [9, с. 456].

Во второй половине 1870-х гг. одинокую жизнь Н. Д. Хвоцинской в Рязани скрашивала ее переписка с М. Е. Салтыковым-Щедриным, в которой нашли отражение не только вопросы редакционно-издательского плана, но и личные. Писательница стала корреспондентом «Отечественных записок» и частым гостем в доме Щедриных. Сын выдающегося критика К. М. Щедрин описывал Н. Д. Хвоцинскую: «Эта добрейшая старушка, можно сказать, боготворила отца и, вместе с тем, баловала нас, детей, принося нам сласти и рассказывая преинтересные сказки, которых мы насладиться достаточно не могли» [28, с. 8].

Обширная корреспонденция конца 1870-х – начала 1880-х гг. между Н. Д. Хвоцинской и М. Е. Салтыковым как редактором «Отечественных записок», помещенная В. И. Семевским в биографическом очерке, имела своей задачей продемонстрировать, что она была «своим» востребованным и уважаемым автором в этом оплоте демократической журналистики.

В это же время пришло, по мнению историка, признание таланта В. Крестовского-псевдоним со стороны критики и в демократических, и в некоторых консервативных изданиях. 3 апреля 1883 г. Н. Д. Хвоцинской был поднесен комплиментарный памятный адрес от лица литературной общественности, составленный известной писательницей и феминисткой М. К. Цебриковой. «Вы одна из первых подали свой голос за право женщин стать участниками общего движения и с глубоким пониманием женского сердца дали много правдивых и художественных картин ее борьбы и страданий ... Вы выразили не одну скорбь женской доли, но и глубокую скорбь гражданскую» [8, с. 139–140].

Завершение жизненного и творческого пути Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской в интерпретации В. И. Семевского было отягощено борьбой с болезнями и нуждой. И с этим трудно поспорить. Последние годы жизни писательница страдала хронической пневмонией и болезнью ног. Ее материальное положение можно было охарактеризовать термином «нищета», причины которой,

по оценкам биографа, связаны с ее перманентной помощью близким людям. Против данной формулировки возражала младшая сестра беллетристики, высказывая подозрение, что ее подруга В. А. Москалькова присваивала последние гонорары и произведения [12, с. XVII]. Через весь биографический этюд В. И. Семевского проходит мысль о том, что жизнь видной российской писательницы – это каждодневный неустанный литературный труд и «борьба за существование», что было свойственно и для самого народнического исследователя.

Заключение

Работая над биографическим очерком о лично знакомой ему Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской, историк-народник мог ставить перед собой следующие цели. Во-первых, он стремился предотвратить забвение недавно умершей писательницы даже вопреки ее воле. При жизни она была закрытой для медийного сообщества того времени персоной. Работа В. И. Семевского, не бесспорная в плане фактографической достоверности, но содержащая богатейший эпистолярный материал, должна была повысить интерес целевой аудитории к ее творческой и общественной жизни. К сожалению, эту задачу изыскание исследователя-народника не выполнило, и имя одной из наиболее ярких женщин-писательниц второй половины XIX в. было почти забыто российским читателем.

Во-вторых, В. И. Семевский, разделяя народнические представления, мог решать вопросы своеобразной идеологической приватизации художественного наследия писательницы. Несмотря на тесное общение с редакцией «Отечественных записок», Н. Д. Хвоцинская не позиционировала себя как представительницу пронароднической интеллигенции и высказывала критические суждения о литераторах, не вписывающиеся в утверждавшиеся в демократической традиции оценки. Биограф же старался игнорировать это, списывая их на издержки женской эмоциональности.

В-третьих, идеалом для исследователя была женщина-труженица, активно занимающаяся самообразованием. «Главная задача общества освободить женщину от влияния сковывающих патриархальных обычаев и дать ей образование, которое сравняло бы ее с мужчиной» [5, с. 145]. Такой образец женщины в лице Н. Д. Хвоцинской, неустанно работающей на литературном поприще, продемонстрировал читателю В. И. Семевский.

И наконец, Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская могла быть, безусловно, интересна историку как носитель идеальных этических установок, не изменявший им ни при каких обстоятельствах и посвятивший всю сознательную жизнь служению обществу. Таким был и сам В. И. Семевский, искренне воспринявший в молодости идеи общественного служения и последовательно придерживающийся их независимо от конъюнктуры.

Литература

1. Семевский В. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Русская старина. 1874. Т. IX. С. 407–430.
2. Семевский В. И. Н. И. Костомаров, 1817–1885. Историко-биографический очерк // Русская старина. 1886. Т. XLIX. С. 181–212.
3. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. Биографический очерк // Вестник Европы. 1887. № 11. С. 8–78.
4. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. Биографический очерк // Вестник Европы. 1887. № 12. С. 560–638.
5. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1888. 169 с.
6. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 10. С. 49–89.
7. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 11. С. 83–110.
8. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 12. С. 124–148.
9. Семевский В. И. Надежда Дмитриевна Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская старина. 1891. Т. 69. С. 449–465.
10. Вилинская А. А. Воспоминания о Н. Д. Хвоцинской // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 1. С. 146–155.
11. Зотов В. Р. Надежда Дмитриевна Хвоцинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 93–108.
12. Хвоцинская П. Д. Биография // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). В 5 т. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1892. Т. 1. С. I–XVIII.
13. Цебрикова М. К. Очерк жизни Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской // Мир Божий. 1897. № 12. С. 1–40.
14. Горячкина М. С. Послесловие // Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы / сост., подгот. текста, послесл. и примеч. М. С. Горячкиной. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 366–379.
15. Могилянский А. П. Н. Д. и С. Д. Хвоцинские // История русской литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 228–237.
16. Чечнева А. В. Соратница великих. Рязань: Поверенный, 2003. 173, [2] с.
17. Строганова Е. Н. «Прах и суета»: женское писательство в оценках Надежды Хвоцинской и ее современников // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой, Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.

18. Строганова Е. Н. М. Е. Салтыков и Н. Д. Хвошинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. Тверь: СФК-офис, 2009. С. 50–67.
19. Строганова Е. Н. Н. Д. Хвошинская: портрет писательницы в некрологах // Русская литература. 2016. № 3. С. 182–188.
20. Пиксанов Н. К. Заслуги В. И. Семевского в изучении русской литературы // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXXXVI–XCI.
21. Пушкарева Н. Л. Женская история и женские исследования в России и за ее пределами (о российской ассоциации исследователей женской истории и не только о ней) // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Армавир, 15–16 октября 2010 г.) / отв. ред. С. А. Дударев, Н. Л. Пушкарева. Армавир: АГПУ, 2010. С. 5–11.
22. Гаврилов С. В. В. И. Водовозов и В. И. Семевский: от исторической биографии педагога к внутренней биографии историка // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.5
23. Хогенбом Х. Гендер и литературная биография: Надежда Хвошинская, загадочная личность // Литературоведческие тексты. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/hogenbom.htm (дата обращения: 14.10.2019).
24. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое. Рассказы женщин о женщинах // Отечественные записки. 1862. № 11. С. 48–60.
25. Русанов Н. С. Памяти В. И. Семевского // Голос Минувшего. 1916. № 10. С. CXVIII–CXX.
26. Щелгунов Н. Женское бездушие (По поводу сочинений В. Крестовского-псевдонима) // Дело. 1870. № 9. С. 1–34.
27. Скабичевский А. М. Волны русского прогресса // Отечественные записки. 1872. № 1. С. 1–41.
28. Щедрин К. М. Интимный Щедрин. М.-Пг., 1923. 79, [1] с.

The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Narodnik Historian V. I. Semevsky

Sergey V. Gavrilo^{a, @, ID}

^a Russian State University of Justice, Uralian branch, 63, Energetikov St., Chelyabinsk, Russia, 454135

@ sv.gavrilo@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2449-5058>

Received 14.10.2019. Accepted 04.12.2019.

Abstract: The present research featured a retrospective analysis of the historical identification of the image of a famous Russian writer Nadezhda D. Khvoshchinskaya, undertaken by a narodnik historian Vasilii I. Semevsky. The study was based on archival and published sources, i.e. materials of personal origin (letters, memoirs), periodicals, as well as Semevsky's biographical sketch and scientific works. The research involved the method of critical analysis of historical sources; the method of specificity, which determined the selection of sources; a semantic analysis of sources by comparing the analyzed data with information from other sources. Semevsky's subjective descriptions made it possible to interpret his own views on such topical issues of social development as the place and role of women in society and the problems of education of the younger generation. The historian did not analyze artistic merits of Khvoshchinskaya's works, but presented an exhaustive bibliographic list. The author characterizes V. I. Semevsky's assessments in relation to various stages of N. D. Khvoshchinskaya's activity as a writer and literary critic. An ambiguous from the point of view of morality introduction into scientific circulation of a number of sources of personal origin by the author of the biography is shown. The paper ends with the conclusion that Semevsky, as the first biographer of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya, could set himself three tasks: (1) prevention of the writer's oblivion; (2) a kind of ideological privatization, presentation of her views as close to the populist movement (the so-called Narodniks); and, (3) characterization of Khvoshchinskaya as a sample of a working woman and a bearer of ideal ethical principles that were close to those of Semevsky himself.

Keywords: women's question, emancipation, biography, V. Krestovskiy-pseudonym, intelligentsia, the Narodnik movement, subjectivity

For citation: Gavrilo S. V. The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Narodnik Historian V. I. Semevsky. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 898–906. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-898-906>

References

1. Semevsky V. I. Princess Ekaterina Romanovna Dashkova. *Russkaia starina*, 1874, IX: 407–430. (In Russ.)
2. Semevsky V. I. N. I. Kostomarov, 1817–1885. Historical and Biographical Sketch. *Russkaia starina*, 1886, XLIX: 181–212. (In Russ.)
3. Semevsky V. I. Vasilii Ivanovich Vodovozov. Biographical Sketch. *Vestnik Evropy*, 1887, (11): 8–78. (In Russ.)
4. Semevsky V. I. Vasilii Ivanovich Vodovozov. Biographical Sketch. *Vestnik Evropy*, 1887, (12): 560–638. (In Russ.)
5. Semevsky V. I. *Vasilii Ivanovich Vodovozov*. St. Petersburg: Tip. F. S. Sushchinskogo, 1888, 169. (In Russ.)
6. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonym). *Russkaia mysl*, 1890, (10): 49–89. (In Russ.)
7. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonym). *Russkaia mysl*, 1890, (11): 83–110. (In Russ.)
8. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonym). *Russkaia mysl*, 1890, (12): 124–148. (In Russ.)
9. Semevsky V. I. Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonym). *Russkaia starina*, 1891, 69: 449–465. (In Russ.)
10. Vinitskaia A. A. Recollections of N. D. Khvoshchinskaya. *Istoricheskii vestnik*, 1890, 39(1): 146–155. (In Russ.)
11. Zotov V. R. Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya (from the memoirs of an old journalist). *Istoricheskii vestnik*, 1889, (10): 93–108. (In Russ.)
12. Khvoshchinskaya P. D. Biography. V. Krestovskiy's (pseudonym). *Collected Works*. St. Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, 1892, vol. 1, I–XVIII. (In Russ.)
13. Tsebrikova M. K. A sketch of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya's life. *Mir Bozhii*, 1897, (12): 1–40. (In Russ.)
14. Khvoshchinskaya N. D. *Novels and tales*, comp. Goryachkina M. S. Moscow: Moskovskii rabochii, 1984, 366–379. (In Russ.)
15. Mogilianskii A. P. N. D. and S. D. Khvoshchinskaya. *History of Russian literature*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, vol. 9, 228–237. (In Russ.)
16. Chechneva A. V. *Companion of the great*. Ryazan: Poverennyyi, 2003, 173, [2]. (In Russ.)
17. Stroganova E. N. "Dust and fuss": women's writing in evaluation of Nadezhda Khvoshchinskaya and her contemporaries. *Women's challenge: Russian women-writers of XIX – early XX centuries*. Tver: Liliia Print, 2006, 120–137. (In Russ.)
18. Stroganova E. N. M. E. Saltykov and N. D. Khvoshchinskaya: facts and interpretations. *Shchedrin's Collection*. Tver: SFK-ofis, 2009, vol. 3, 50–67. (In Russ.)
19. Stroganova E. N. N. D. Khvoshchinskaya: the authoress portrayed through obituaries. *Russkaia literatura*, 2016, (3): 182–188. (In Russ.)
20. Piskunov N. K. Achievements of V. I. Semevsky in the study of Russian literature. *Golos minuvshogo*, 1916, 10: LXXXVI–XCI. (In Russ.)
21. Pushkareva N. L. Women's history and women's studies in Russia and abroad (about the Russian association of researchers of women's history and other matters). *Women in history: missing fragments of the historical canvas*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Armavir, October 15–16, 2010, eds. Dudarev S. L., Pushkareva N. L. Armavir: AGPU, 2010, 5–11. (In Russ.)
22. Gavrilov S. V. V. I. Vodovozov and V. I. Semevsky: from the historical biography of the teacher to the inner biography of the historian. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, (4): 5–15. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.5
23. Hogenbom H. *Gender and literary biography: Nadezhda Khvoshchinskaya, a mysterious personality*. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/hogenbom.htm (accessed 14.10.2019). (In Russ.)
24. Porechnikov V. Provincial Letters about our Literature. Letter 6. Women's Stories about Women. *Otechestvennye zapiski*, 1862, (11): 48–60. (In Russ.)
25. Rusanov N. S. In Memory of V. I. Semevsky. *Golos minuvshogo*, 1916 (10): CXVIII–CXX. (In Russ.)
26. Shchelgunov N. Women's Callousness (On the Writings of V. Krestovskiy-pseudonym). *Delo*, 1870, (9): 1–34. (In Russ.)
27. Skabichevskii A. M. Waves of Russian Progress. *Otechestvennye zapiski*, 1872 (1): 1–41. (In Russ.)
28. Shchedrin K. M. *Familiar Shchedrin*. Moscow-Petrograd, 1923, 79, [1]. (In Russ.)